

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. В. Асонов

Крестьянство и власть с позиций цивилизационного подхода

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Asonov.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ С ПОЗИЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

При анализе взаимоотношений крестьянства и власти с позиций цивилизационного подхода важное значение имеет то, как мы понимаем такие категории как «крестьянство» и «власть». В данном случае «власть» рассматривается как решающее воздействие наделенных определенными полномочиями лиц и социально-политических органов на судьбы, деятельность, нравы и традиции людей представляющих некую социокультурную среду. Следовательно, государственная власть как высший тип власти, в рамках которой особое значение имеет государственная властная воля, будет проявлять себя в заботе о реализации интересов и требований господствующей политической силы. Если они по главным вопросам совпадают с интересами и требованиями того же крестьянства или любой другой социальной группы, то они будут поддержаны властью. Если этого совпадения не случится, то сразу заработают утилитарные, нормативные, идеологические и силовые ресурсы власти. Они будут направлены на подавление или перестройку враждебных господствующей политической силе интересов и потребностей соответствующей социальной группы. Следует также иметь в виду, что такая проблема как «крестьянство и власть» является частью междисциплинарного направления научного познания, зародившегося на Западе и получившего во второй половине XX в. известность как «крестьяноведение». Данное направление имеет перед собой вполне конкретную задачу, направленную на изучение истории и социальной специфики крестьянства как одного из древнейших и самых многочисленных страт или сословий на земле. Фактически

став родственной социологии дисциплиной, крестьяноведение с самого начала служило конкретным политическим целям Запада, направленным на распространение и утверждение либерально-демократической системы ценностей. А эта система ценностей, как известно, в том числе направлена на осуществление коренной (революционной) реорганизации социально-политической жизни в самой консервативной части общества — деревне, которая в отличие от города сильнее всего привязана к национально-историческим, а значит и к религиозно-культурным основам той жизни, сломать которую нацелена идеология глобализма. Неслучайно исходной посылкой западных аналитиков, принявших либерально-демократическую систему ценностей, стал взгляд на крестьянство как на реликт доиндустриальных образований не имеющий права на дальнейшее существование¹.

Теперь, переходя к анализу такой категории как «крестьянство», укажем на характерную для нее двойственность. Дело в том, что «крестьянство» надо рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком значении под крестьянством мы понимаем самый многочисленный до недавнего времени субъект производственно-экономической деятельности и главную производительную силу традиционных обществ занятую в сельском хозяйстве, основным источником существования которой является аграрный труд. Этот труд определяет характер (систему) социальных связей и властных отношений, принятых этой категорией граждан и ее культурное своеобразие с которыми государственная власть в зависимости от ее политических идеалов может либо бороться, либо вступать в сотрудничество.

Неслучайно на Западе стало популярным определение крестьянства как «мелких производителей сельскохозяйственной продукции, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают прямо или косвенно — на удовлетворение своих

потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти»². И хотя в такой подаче политическая составляющая скрыта, она проявляет себя в отношении к крестьянству как «патриархальному виду хозяйства», которое порождено примитивными видами социально-политических отношений. Следовательно, крестьянство должно исчезнуть с победой передовых форм организации государства и общества на всех уровнях социальной жизни и во всех ее сферах. Не последнюю роль здесь играет устранение основных различий между городом и деревней в культуре, а значит и в преодолении принятых расхождений в системах ценностных ориентиров.

Таким образом, если в широком смысле слова «крестьянство» — это большая социальная группа сельскохозяйственных производителей, то в узком смысле под крестьянством мы должны понимать только российского общинника. В узком смысле слова данное понятие несет, тесно связанный с российским общинником, конкретно исторический, географический, политический, экономический и, самое важное, религиозно-идеологический характер, отражающий специфику России и в первую очередь ее титульной нации, которая с момента своего выделения из древнерусской народности является этнической основой славяно-православной цивилизации.

Еще в XIX в. представители науки и социально-политической мысли нашей страны стали смотреть на русское крестьянство как на одно из важнейших начал российской православной государственности и ее культуры. И это вовсе не случайно. Дело в том, что до XIV в. никакой унификации на идеологической почве русское крестьянство не знало. Источники того времени указывали на существование самых разных социальных групп крестьянства, названия которых совершенно не были связаны с православной государственностью. В летописях и юридических документах Киевской Руси мы находим смердов, закупов, изгоев, половников, изорников,

пущенников, прощенников, сирот, третников и других. Всем им в народной речи в той или иной степени было свойственно общее название, пришедшее из языческих времен и указывающее либо на характер их деятельности, либо на место жительства. Поэтому крестьяне тогда могли именоваться как «ратаями», то есть пахарями, так и «селянами». Здесь уместно вспомнить бывшего ратая дружинника Илью Муромца, ставшего в последствии монахом, и былинного богатыря Микулу Селяниновича.

Только тогда, когда в XIV в. Русь вместе с другими православными странами стала возрождать не античную языческую, по существу сатанинскую культуру древней Греции и Рима, как это было принято на католическом Западе, а систему ценностей раннего христианства, получившую известность под именем исихазма (покой, молчание), возникла необходимость в появлении нового термина. Он должен был указывать на главный смысл жизни и деятельности тех, кто занимался сельским хозяйством и отличал бы их от других земледельцев, не принадлежавших православной вере, а значит по-другому оценивающих смысл своей трудовой деятельности. Так появилось понятие «крестьянин», то есть христианин. Тут следует указать, что на Руси еще со времен Владимира Мономаха данный термин был синонимом православия, тогда как «латинство» (католичество) христианством как бы и не считалось³.

В отличие от деятельного «гуманиста», выпячивающего собственное мнение, начинающего жить интересами рынка и карьеры, русский человек, принявший православную систему ценностей исихазма, мог опираться только на нравственный авторитет тех отцов церкви, в сочинениях которых был сформулирован кодекс христианского образа жизни. В первую очередь это были апостолы и святые подвижники, жившие в I—VI вв.: Павел, Иоанн, Лука, Григорий Богослов и Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Василий Великий и Ефрем Сирин.

Вместо «особножительных» все чаще на Руси стали возводиться «общежительные» монастыри, которые все дальше «уходили» на север и восток нашей родины, распространяя идеалы высокого христианства. Вслед за монахами, «аще кто из бояр князей», ставшими, как учил Иисус Христос, «добровольно нищими по велению своего духа», потянулись земледельцы у которых они учились основам христианской культуры.

Целомудрие, пост, нестяжание, милосердие, вера, терпение, скромность и смирение, к которым призывала церковь, должны помочь победить в крестьянах дурные страсти язычества: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Так борьба с внутренними недостатками постепенно превратилась для крестьянина-христианина в основной лозунг его социальной жизни. Его деятельность стала носить в первую очередь не коммерческий, а духовный оцерковленный характер. Данная оцерковленность выражалась известной формулой: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы»⁴. Подобно Макарию Египетскому, в тяжелом каждодневном труде земледелец искал и находил защиту от соблазнов мира сего, губящих душу и спасал ее таким образом для Царствия Небесного.

В натуральном хозяйстве он также видел спасение от рынка и рыночных отношений, затмевающих любовь к Богу и к людям стремлением к финансовой прибыли, ибо, приняв рыночные отношения как основу экономических отношений между городом и деревней, крестьянин должен «вперед душу продать, а уже потом свой товар». Он же у себя выращивал тот минимум, который обеспечивал ему прокорм и не думал о получении некой максимальной прибыли, поэтому не стремился к усовершенствованию орудий труда и обработки земли.

Тогда как на Западе (как и в языческом или светском государстве) перед земледельцем такая задача не ставилась. Цель его работы — получение максимальной прибыли. Принципы высокой православной духовности наряду с

соборностью, которую олицетворяла крестьянская община, становятся в таких условиях лишними, мешающими победе новых социально-политических отношений далеких от христианской морали.

Так сложилось в Московском государстве крестьянство в узком смысле этого слова и отразило в себе специфику славяно-православной цивилизации, качественно отличающую ее романо-германской цивилизации западных христиан. Православие стало неотъемлемой частью русского земледельца. Ради него он был готов жертвовать всем своим состоянием и идти на смерть.

Вот почему до XVII в., пока государственная власть стремилась строить и защищать Россию как оплот славяно-православной государственности, крестьянство, как бы ему тяжело не было, поддерживало власть, принимая и ордынское иго и введение крепостного права и опричнину. Но как только власть стала ориентироваться на чуждые русской православной государственности системы ценностей, тут же начались смуты, бунты и величайшие по своему размаху и кровопролитию крестьянские войны. Церковный раскол, пожалуй, стал наиболее ярким примером того до каких высот духовности и самопожертвования способен подняться крестьянин. Подавление крестьянского недовольства светской и духовной властью во второй половине XVII — начале XVIII вв. знаменовало собой начало заката крестьянства в узком смысле слова. Оно все больше и больше стало тяготеть к западным стандартам, которые навязывала власть.

Именно ради подавления крестьянства как оплота славяно-православной цивилизации проводились реформы, которые сегодня подаются как прогрессивные, полезные для государства и общества. Но они не вели к спасению души. Это отмена крепостного права при Александре II, разгром крестьянских общин при П. А. Столыпине. Раскрестьянивание, раскулачивание, расказачивание и внедрение колхозов начиная с эпохи «военного коммунизма» и заканчивая созданием совхозов при

Н. С. Хрущеве. По этому же пути окончательного «добивания» российского крестьянства идет современная политика внедрения фермерских хозяйств и крупных латифундий — холдингов.

В итоге можно констатировать, что к настоящему времени крестьянство в узком смысле слова — как оплот славяно-православной цивилизации — почти уничтожено. И возродиться ему не позволят ни Запад, ни Восток, так как возрождение крестьянства — это не просто возрождение России, это возрождение православной России как духовно-культурного, политического и экономического центра славяно-православной цивилизации.

Библиография

¹ См.: Великий незнакомец. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992.

² Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1 М., 2003. С. 509.

³ См., напр.: Слово преп. Феодосия Печерского о вере христианской и о латинской.

⁴ *Сидоров А. И.* Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. XIV.